

УДК 130.1-058.237

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ**Климова Александра Валериановна**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права
Днепропетровский государственный технический университет
Украина, 51918, Днепропетровск, ул. Днепропетровская, 2
e-mail: klim_aleks@ukr.net

Цель статьи — показать, что интеллигенция, будучи общностью дифференцированной и в разной степени отвечающая свойствам интеллигентности, включает в себя и интеллектуалов. Интеллектуалы не являются абсолютно чуждыми гуманистической направленности, нравственности, гражданственности, патриотизму, стремлению к справедливости и т.д. Между интеллигенцией и интеллектуалами нет непроходимой пропасти. Их сближают и объединяют в одну общность знания и гуманистический потенциал, который, по мере усложнения общественной жизни, должен возрастать и делать все более востребованными именно свойства, воплотившиеся в идеале интеллигентности. Только интеллигенция, исторически развившаяся до уровня современных потребностей общества, способна в каждый период аккумулировать определенное содержание культуры, выделить в ней в снятом виде все самое ценное из предшествующей истории и наметить перспективы развития духовной культуры. Понятие интеллигенции рассматривается как исторически развивающееся.

Ключевые слова: интеллигенция; интеллектуалы; интеллигентность; гуманистическая направленность; знания; идеал.

В наше время часто можно слышать и читать, что интеллигенция себя изживает, а на смену ей приходят интеллектуалы, что на Западе именно интеллектуалы являются специалистами-профессионалами, способными к сложной деятельности, требующей научных знаний. В условиях современной либеральной демократии часть интеллигенции, обслуживающей влиятельные социальные группы общества или будучи вынужденной идеологически обосновывать социальное и политическое положение тех, от кого она зависит, во многом утрачивает свои гуманистические возможности. В таком случае для нее оказывается благозвучнее называться интеллектуальной элитой, чем неинтеллигентной интеллигенцией. Так как новые условия зачастую не позволяют интеллигенции оставаться интеллигентной, есть искушение переименовать ее также по западному образцу в интеллектуалов.

В первом приближении можно отметить, что восприятие интеллигенции в современном обществе весьма противоречиво: с одной стороны, усилилась прагматическая направленность во всех сферах общественной жизни, с другой — это часто становится препятствием в выполнении интеллигенцией ее гуманистической функции. Да и сама гуманистическая сторона жизни общества в наше время часто представляется роскошью, ос-

тается за рамками повседневных устремлений людей. Отсюда и прохладное отношение общества к интеллигенции вообще, и мнение, что она должна уступить свое место интеллектуалам. Но возможны ли интеллектуалы в чистом виде, возможно ли, чтобы специалист был настолько узок (полностью ушел в свою профессию), что не интересовался бы проблемами общества? Например, у любой деятельности должен быть мотив, стимул, связанный с ее местом в системе экономики, человеческих отношений и т.д. Может ли человек, многого достигший в своей профессии, совсем не интересоваться мировой культурой, ее историей и конкретными проявлениями в наше время? Такое трудно представить. Во всяком случае, если человек не связывает свою деятельность с тем, какое значение она имеет или будет иметь в жизни общества, вряд ли он многого достигнет. Если профессионалов называть интеллектуалами, то это отразит лишь одну сторону их личности (интеллектуальную), но оставит в стороне, в тени ее нравственную, социальную, гуманистическую составляющие. Такая составляющая в той или иной степени есть в структуре любой личности. И если на Западе сложилась традиция называть профессионалов преимущественно интеллектуалами, то это и там не исключает их интеллигентности, как она понимается в российской и укра-

инской традиции. То, что и в западных философских и социологических источниках [1, 6, 10], а также в некоторых международных правовых документах термин «интеллигенция» тоже используется, только доказывает, что это не случайно, что представление об интеллигенции им тоже понятно и не чуждо. Например, в «Декларации и программе действий в области культуры мира», принятой на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 г., в ст. 8 в частности, говорится: «Ключевая роль в распространении культуры мира принадлежит родителям, педагогам, педагогическим деятелям, журналистам, религиозным организациям и группам, представителям интеллигенции...» [12].

В результате изменения общественных отношений происходит размывание интеллигенции, переход многих из тех, кто прежде относился к интеллигенции как социальной общности, в другие социальные слои. Это привело, по крайней мере, к двум противопоставлениям: 1) интеллигенции и интеллектуалов; 2) интеллигенции и интеллигентов.

Понятие «интеллектуалы» в научной литературе сейчас используется, может быть, чаще, чем понятия «интеллигенция», но это не говорит в пользу того, что она себя изжила. Наоборот, в условиях переломных трансформаций и ускоряющегося развития как никогда нужно вдумчивое отношение ко всему этому с всеобъемлющим охватом всего, что происходит. Это под силу только интеллигенции. Ее роль в обществе на самом деле стремительно возрастает. Без выполнения этой ее роли общество ждет несомненный тупик. И если мы утратим общность интеллигенции, не будем заботиться о ее будущем, т.е. потеряем преемственность и в будущем ей будет взята почти неоткуда. Отличие интеллигенции и интеллектуалов обычно трактуется так: «Интеллигенция — необходимая составная часть всякого интеллектуального слоя, допускающего свободное этическое самоопределение своих членов; другая его часть — интеллектуалы, образованные и креативные люди, вообще этически непросвещенные или с эгоистически извращенной этикой» [13, с. 66–67]. А.В. Соколов считает, что «количественное соотношение интеллигентов и интеллектуалов может варьироваться, но вытеснение одних другими невозможно, поскольку это сделало бы общество нежизнеспособным» [13, с. 67]. Может быть, это действительно невозможно, но если учесть, что интеллигент не лишен интеллектуальности, то было бы неплохо и отнюдь не нежизне-

способно, если бы духовную жизнь общества осуществляла и приумножала интеллигенция, а не безучастные к общественным проблемам интеллектуалы.

Понятие «интеллигенция» противопоставляется понятию «интеллигентность», когда говорят, что это не одно и то же, что не все, кто принадлежит к интеллигенции, являются интеллигентными. В советской литературе и журналистике часто обсуждались вопросы, связанные с интеллигентностью людей, не принадлежащих к слою интеллигенции, например рабочих [см.: 5]. Интеллигенция характеризуется не только нравственными и гражданскими качествами, традиционно приписываемыми ей (этими качествами, действительно, могут обладать и часто обладают люди, не принадлежащие к интеллигенции), но и такими (знания, творчество), которые преимущественно доступны только интеллигенции и, увы, не всей интеллигенции. При определенных общественных условиях эти качества могут появляться и закрепляться у отдельных людей в других социальных слоях, например, при постепенном преодолении противоречий между умственным и физическим трудом, когда последний становится все более интеллектуально насыщенным и требует от рабочих более высокой квалификации, а значит, и образования, развивающего ум. В то же время при определенных социальных условиях интеллигенция в значительной своей массе может утрачивать интеллигентность и, наоборот, приобретать способность питаться иллюзиями и обладать повышенной внушаемостью. Некоторые современные исследователи, отмечая склонность интеллигенции в наше время к мифотворчеству, пытаются одновременно оправдать ее тем, что безапелляционно приписывают интеллигенции это качество во все времена. Е.С. Элбакян объясняет это как «саморазорванность, противоречивость интеллигентского бытия», которая и «рождает “расколотое интеллигентское сознание”, когда “ожидание чуда сопряжено с неверием в него”» [18, с. 93]. На самом деле, противоречиво не интеллигентское, а общественное бытие, и это первично по отношению к противоречиям, возникающим в среде интеллигенции.

Традиция смешения интеллигенции с другими социальными слоями, отражавшая отсутствие строгой дифференциации в классификации социальных слоев в дореволюционной России без учета специфики интеллигенции как особого социального слоя, в какой-то мере продолжалась и в советское время. Это создавало путанное и про-

тиворечивое общественное мнение об интеллигенции. Социальный слой отделялся от его качеств, а качества — от социального слоя. Нередко в людях, принадлежавших к интеллигенции, не находили тех качеств, которые традиционно связывались с понятием «интеллигенция», и, наоборот, эти качества находили у людей, принадлежавших к другим социальным слоям или классам. Но в советское время это явление имело уже иные причины. Тогда же появилось представление о формировании пограничных социальных слоев [см.: 5, с. 4]. Отчасти действительно происходило стирание граней между интеллигенцией и другими классовыми и внутриклассовыми группами. Всеобщее и специальное среднее образование закладывало интерес и способность к самообразованию и творчеству, часто развивавшимся до высокого уровня. В условиях провозглашения воспитания нового человека у людей формировались такие нравственные качества, которые соответствовали идеалам всестороннего развития личности. Стремление к идеалам нового общества теперь преобладало не только в среде интеллигенции, но и в большой мере было присуще всем другим социальным группам. В таких условиях требования общественного мнения непосредственно к интеллигенции должны были возрастать. А так как не все те, кто принадлежал к интеллигенции, соответствовали создавшимся в новых социальных условиях представлениям о ней, то на долю этих людей могло выпадать и нелюбимое отношение со стороны других социальных групп или их представителей и вопросы, подобные названию статьи Н.В. Карлова: «Интеллигентна ли интеллигенция...?» [8].

Не следует упускать из виду, что в социалистическом обществе сложились особые условия для развития как интеллигенции, так и интеллигентности. Была поставлена и решена задача подготовки новых кадров интеллигенции из рабочих и крестьян, повысились требования к профессиональной квалификации интеллектуального труда. Обязательность и общедоступность образования уничтожили прежние связанные с ним привилегии. Можно согласиться с В.Р. Лейкиной-Свирской, считающей «методологически правильным, что определение социалистической интеллигенции построено вне нормативных морально-психологических критериев и лишено элитарных акцентов. Социологическое определение этим не обедняется и не противопоставляется понятию интеллигентности. Представляется, что интеллигентность — это производное от уровня

умственной, нравственной и эстетической культуры людей, которое не может быть абстрагировано как общее качество профессиональной интеллигенции» [9, с. 53]. Понятие интеллигентности закономерно перестает быть «привилегией» интеллигенции и в то же время распространяется лишь на часть ее. Интеллигентность в условиях всеобщей доступности культуры общество вправе ожидать от любого своего представителя. Данное положение не является лишь теоретическим. Оно успело прочно войти в общественное сознание советских людей. Именно в советском обществе интеллигенция впервые образовала определенную социальную общность. Б.В. Новиков пишет: «Тот пласт нынешнего общества, который называют интеллигенцией, — продукт советской эпохи. Она создавалась и воспитывалась в исторически новом обществе, которое совершило качественный прорыв в социальном творчестве... Отсюда характерные особенности этой поистине народной интеллигенции: сочетание высокого уровня образованности с практической интеллектуальной деятельностью, лежащей в русле перспективных гуманистических идей. ... Именно степень осуществляемого словом, чувствами и практическим делом гуманизма как раз и определяет, какой ты интеллигент, меру соответствия этому высокому понятию» [11, с. 178]. Возможно, поэтому в наше время не всеми принимается понятие элитарности в отношении интеллигенции.

Современный российский исследователь А.А. Труфанов выделяет в общественном сознании второй половины XIX – начала XX в. три самостоятельных значения слова «интеллигентность»: грамматическое значение, значение формальной образованности и этическое значение. По его мнению, об интеллигентности «трудно мыслить понятийно, а дать ее однозначное определение вообще невозможно: "...Интеллигентность" относится к неясным и неточным именам: неясность характеризует имя "интеллигентность" с точки зрения его содержания... Неточность характеризует имя "интеллигентность" с точки зрения его объема» [15, с. 22]. Интеллигентность — это не просто свойство каких-то ее носителей, а «свойство интеллигенции в конкретно-историческом ее понимании» [15, с. 27]. А.А. Труфанов выделяет два типа интеллигенции, которые можно найти в России и с которыми связаны представления об особой роли интеллигенции в обществе. Это интеллигенция освободительная и интеллигенция как подлинная элита общества. По А.А. Труфанову, качества интеллигентности представляют собой определенную сис-

тему. К ним относятся: 1) обостренное чувство социальной справедливости, 2) больная совесть, 3) нравственный идеализм, 4) сострадание, 5) антимещанство, 6) гражданственность. Кризис гражданственности в России А.А. Труфанов связывает с утратой чувства реальности, одним из проявлений которой «явился буржуазный оптимизм». К необходимым и достаточным качествам интеллигентности А.А. Труфанов добавляет необходимые, но недостаточные: а) способность к критическому мышлению; б) личная тактичность и порядочность; в) идейная принципиальность; г) терпимость к инакомыслию; д) приобщенность к богатствам мировой культуры. В интеллигентности первостепенна универсальная моральная ответственность, а уж затем индивидуальная мораль, а «если интеллигентность в означенном понимании неосуществима сейчас, то это свидетельство не ущербности теории, а ущербности современной жизни» [15, с. 262].

А.В. Соколов ввел понятие «поколение интеллигенции», означающее «историческую общность, характеризующуюся типичными для нее мировоззрением, методологией, ценностными ориентациями, социально-психологическим складом» [13, с. 64]. Это определение отражает такую целостность поколения интеллигенции, которая если и имела место в истории общества, то именно в советский период, хотя и в это время можно говорить о разных интеллигентских субкультурах. И тем не менее ни в одном другом историческом ареале не найти большей общности в мировоззрении, методологии, ценностных ориентациях и социально-психологическом складе. К другим же культурно-историческим эпохам больше подходит выведенная А.В. Соколовым формула интеллигентности как «интегральное качество личности, включающее на уровне, соответствующем определенному поколению интеллигенции, образованность, креативность, индивидуальное или субкультурное этическое самоопределение» [13, с. 64].

Понятия интеллигенции и интеллигентности во многом ассоциируют с личностью А.П. Чехова. Не только в творчестве и эпистолярном наследии А.П. Чехова прослеживается постоянное обращение к интеллигенции, но и сам он предстает во всех последующих поколениях своих читателей и почитателей именно как истинно интеллигентный человек, как один из лучших представителей русской интеллигенции. Несмотря на то что А.П. Чехов формулирует основные черты интеллигентности, на протяжении всего его творчества можно видеть, насколько противоре-

чиво его отношение к интеллигенции. Люди по-разному воспитаны и поэтому, оказавшись в «интеллигентской среде», по-разному могут себя в ней чувствовать. А.П. Чехов пишет своему брату, что нужно быть определенным образом воспитанным, «чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентской среде», что означает удовлетворение следующим условиям [17, с. 223–224]: 1) уважать человеческую личность; 2) быть сострадательным, болеть душой «и от того, чего не увидишь простым глазом»; 3) уважать чужую собственность, а потому и платить долги; 4) быть чистосердечным и бояться лжи; 5) «они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызвать в другом сочувствие. Они не играют на струнах чужих душ, чтобы в ответ им вздыхали и нянчились с ними...»; 6) «они не суетны»; 7) «если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой...»; 8) «они воспитывают в себе эстетику». И далее: «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут долог каждый час...» [17, с. 225].

Многие исследователи уделяли внимание понятию русской интеллигенции. Г.П. Федотов писал: «Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только “русская”, но и вообще “интеллигенция”... В нашем случае мы имеем дело с понятием историческим... В этой жизни полны определенного и трагического смысла нелепые на Западе антитезы: “интеллигенция и народ”, “интеллигенция и власть”... Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная — на десять лет — новую эру. Можно сказать, что столетие самосознания интеллигенции является ее непрерывным саморазрушением...» [16, с. 404–405]. В приведенных словах слышится и определенная гордость, и сожаление о том, что в жизни русской интеллигенции все время что-то утрачивается. Действительно, она всегда занимает активную жизненную позицию. Социальные изменения осмысливаются, переживаются, что-то разочаровывает, но тут же возникают новые проекты достижения цели и их приверженцы. Г.П. Федотов видит в интеллигенции «живую, историческую личность. Во всех “историях” русской интеллигенции мы встречаем одни и те же имена. Несогласные в определении понятия, канонические авторы согласны в его объеме. Из объема мы и должны исходить. Для исторического понятия объем не произволен, а дан» [16,

с. 405–406]. И далее, приближаясь к понятию: «Есть в истории русской интеллигенции основное русло — от Белинского, через народников к революционерам наших дней... Вдумаемся, что объединяет все эти имена: Чаадаева, Белинского, Герцена, Писарева, Короленко, — и мы получим ключ к определению русской интеллигенции. У всех этих людей есть идеал...» [16, с. 407–408].

Первая русская революция оказалась первым крупным испытанием тех ценностей и духовных начал, которые вынашивала и по поводу которых вела дискуссии русская интеллигенция на протяжении XIX – начала XX в. Авторы сборника «Вехи», появившегося в 1909 г., высказали свое отношение к интеллигенции, как бы делая выводы из собственных исканий. Они дали толчок к особому отношению к этой теме на все последующее время. Авторы «Вех» рассматривают понятие «интеллигенция» каждый по-своему, больше связывают ее с поисками справедливости, правды и революционностью. Не едины и не всегда последовательны они в вопросе, кого относить к интеллигенции, ее корни могут «угадываться» по характерным признакам нравственного характера. Н.А. Бердяев настолько тесно связывает интеллигенцию с революционными настроениями, что ее интеллектуальная деятельность оказывается на втором плане, или интеллектуалов он даже может не относить к интеллигенции. Для неинтеллектуальной интеллигенции Н. Бердяев использует слово «интеллигентщина», обвиняя ее прежде всего в малокультурном отношении к философии и другим культурным ценностям, а также в том, что ей присуще «давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение “народу”, его пользе и интересам, духовная подавленность политическим деспотизмом» [3, с. 12]. Бердяев говорит об интеллигенции не как о социальном слое, а как о явлении, черты которого находит, например, у декабристов, но самих их к интеллигенции не относит [см.: 2, с. 89].

Стремление к целостному мирозерцанию Н.А. Бердяев называет тоталитарным мышлением, через которое интеллигенция искала «совершенной жизни, а не только совершенных произведений философии, науки, искусства» [2, с. 93]. И это еще одна черта, которую он рассматривает как отличительную для отнесения тех или иных творческих людей к интеллигенции. По Бердяеву получается, что к интеллигенции относятся те, кто имеет революционные настроения или является революционером, что ее интерес и отношение к философии «исчерпывалось потребностью в

философской санкции ее общественных настроений и стремлений» [3, с. 16]. Отсюда и неправильная трактовка нравственных принципов революционной идеологии, критика, например, признания как нравственного того, что приносит пользу народу, борьбе за его освобождение. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о специфическом подходе Бердяева к интеллигенции, а не пытаться «проверять» уже сложившееся в наше время содержание понятия «интеллигенция» представлениями о ней Бердяева или других его современников. В то же время их представления помогают разобраться в сложной предыстории современной интеллигенции. Понятия проходят этапы становления. И из этого и стоит исходить, обращаясь к взглядам того или иного мыслителя на то или иное понятие и на понятие «интеллигенция» в том числе.

Из этого же следует исходить, когда мы сталкиваемся с приданием интеллигенции религиозных черт религиозными мыслителями. Так, стремление к целостности («тоталитарности») мирозерцания Бердяев объясняет «религиозным складом русского народа» [2, с. 93]. Приверженность религиозной идее приводит Бердяева к тому, что левую интеллигенцию он объявляет схожей с монашеским орденом [2, с. 91]. Его видение расходится с тем, что на самом деле революционная интеллигенция, начиная с разночинной, не варилась в собственном соку, а реализовывала свои идеи и силы, идя в народ, создавая яркую революционную, освободительную публицистику, создавая сначала философские, а потом революционные кружки и партии. При этом она не только думала о народе, но и вовлекала его в свою деятельность, рассчитывая на победу вместе с ним. Понятно, что у религиозного философа свои аналогии. Но интеллигенция шла в народ, а не в монастырь, и ее жертва — не борьба с плотью за возвышение духа, а возможность расправы с ней со стороны полицейского государства. И цель ее — не просто спастись, но достичь победы ради лучшей жизни общества. Жертвенность, но ради людей, народа, а не ради спасения души, не ради бога. Эти цели коренным образом отличаются друг от друга. И только религиозное сознание может отождествить их, затемнив и исказив сущность. Не жертва Иисуса вдохновляла революционеров, а революционные цели. И не случаен их атеизм. Он отражает земное происхождение их целей, обнажает эти цели, делает их более ясными и открытыми.

С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» подводит итоги первой русской революции и в связи с этим обращается к интеллигенции, так как революцию эту считает интеллигентской. Он выделяет два фактора, под влиянием которых складывался характер русской интеллигенции — внешний и внутренний. «Первым было непрерывное и беспощадное давление полицейского прессы, способное расплющить, совершенно уничтожить более слабую духом группу, и то, что она сохранила жизнь и энергию и под этим прессом, свидетельствует... о совершенно исключительном ее мужестве и жизнеспособности...» [4, с. 34]. Второй фактор Булгаков связывает с особым мировоззрением и духовным складом интеллигенции, с «самой основной особенностью» «в ее отношении к религии». Булгаков пытается приписать революционной интеллигенции своего рода религиозность, несмотря на ее атеизм, к которой он приравнивает любое преданное отношение к делу, к народу, вплоть до приписывания ей «самообожения» [4, с. 42–43]. Он с иронией характеризует сущность ее мировоззрения словом «героизм», «притом героизм самообожения».

Ответ на подобные взгляды дал советский философ А.И. Титаренко в социально-этическом анализе антиидей XX в., где он отмечает, что «недаром противниками коммунизма, да и всеми сторонниками антиреволюционного мировоззрения... атака ведется на *идейность*, на нравственную *убежденность*, как нечто противоположное доброте, с ней *несовместимое*... Эта мысль не нова. Еще Ф. Достоевского... заботила тревога о том, чтобы преданность идее не превращалась в душевную черствость, в моральный фанатизм, приводящий к отрицанию ценности отдельной личности» [14, с. 282]. «...Высшая идея, когда она располагается в моральной сфере, представляет собой идеал. Именно в следовании идеалу Ф.М. Достоевский видел наивысшую цель, заданность жизни личности, самое трудное и самое благородное ее предназначение: “Будьте мужественны, формируйте ваш идеал”» [14, с. 302]. А.И. Титаренко обосновывает, что «в убежденности вера вытекает из правоты, правды, а не правота из веры. В известном смысле это уже совсем не вера... Скорее это явление можно назвать стойкой нравственной ориентацией, вобравшей в себя все элементы психической жизни субъекта: его сознательные оценки, цели, мотивы и устремленность чувств, его волю, жизненный опыт...» [14, с. 306]. Приписываемому революционной интеллигенции С.Н. Булгаковым «глухому к голосу

жизни» фанатизму противостоит то, что «переустройство обстоятельств всегда включает в себя, пусть стихийно, самопеределку» [14, с. 309]. Сознательное же следование какому-либо идеалу означает самоотверженность. Именно она понимается С.Н. Булгаковым искаженно как жертвенность.

Сборник «Вехи» отразил специфическое самочувствие интеллигенции после первой русской революции. Оно было различным, как и видение политических событий. Это нашло выражение в возникновении разных политических партий, руководство и основной состав которых был из интеллигенции. Так же по-разному интеллигенция откликнулась и на события 1917 г. и последующие события.

Становление интеллигенции как образованного социального слоя, обладающего определенными нравственными и гражданскими качествами, имеет значение становления традиции сосредоточения духовной культуры в определенном носителе и проводнике, способном влиять на все остальные слои общества. Интеллигенция способна к концентрации всех сторон духовной жизни и распространению всех ее элементов через систему образования, учреждений культуры (музеи, библиотеки и т.п.), творческие институты (наука, театр и т.п.). История интеллигенции связана с изменениями в формах отбора и передачи культурных традиций, в преемственности в культуре.

Итак, интеллигенцию характеризовали и характеризуют по-разному: как социальный слой, группу, явление, духовно-социальное образование, историческую общность, интеллектуальный слой и т.п. Не претендуя на окончательное определение интеллигенции, считаем целесообразным использовать для этого понятие «социальная общность», рассматриваемое в социологии как одна из ключевых категорий социальной организации. Дадим следующее рабочее определение. Интеллигенция — это образованная, гуманистически ориентированная, творческая, сущностно связанная с культурной традицией дифференцированная социальная общность, которая институализируется благодаря особенностям ее интеллектуально-созидательной, образовательной и воспитательной деятельности в соответствующих творческих, научно-исследовательских, образовательных и производственных структурах (от учебных и научно-исследовательских учреждений, творческих союзов и организаций и т.д. до предприятий, связанных с материальным производством). Ее представители могут принадлежать

к разным социальным институтам (науке, образованию и т.д.). Особо отметим, что этико-культурные представления о нравственных и профессиональных качествах, воплотившихся в слове «интеллигентность», можно отнести к культурной традиции, имеющей исторические корни и выражающие идеал интеллигента. Эта традиция может в разной степени влиять на формирование конкретных представителей интеллигенции. Интеллигенция в целом или в какой-то ее части может в разной степени приближаться или отдаляться от этого идеала, но при этом оставаться определенной социальной общностью — интеллигенцией. В то же время, будучи неоднородной, интеллигенция может различаться по социальному положению, мировоззрению, социальным функциям, социальным ролям.

С возрастом от эпохи к эпохе ее эмпирических и теоретических материалов, с возрастом информации часто имеют место сомнения в возможностях плодотворного освоения современной культуры. В каждый период аккумулируется определенное содержание культуры, в снятом виде содержащее все самое ценное из предшествующей истории. Кто же способен это адекватно оценить, еще и еще раз проверить, заглянуть в будущее и наметить перспективы развития духовной культуры? Если это кому-то под силу, то только интеллигенции, исторически развившейся до уровня современных потребностей общества.

В наше время глобальных перемен происходит много шараханий в понимании сущности человека, его познавательных возможностей, общественных процессов. С развитием ситуации плюралистического постмодернистского сознания становится все более ясно, что оно не способно к целостности познания. Целостность — это, прежде всего, определенность. Любая определенность чужда плюрализму. Он годится только для того, чтобы отрицать, а не утверждать. Ему присущи нигилизм и отсутствие ответственности. Глобальные же проблемы требуют нравственной ответственности тех, кто их решает. При плюралистическом подходе отрицается возможность однозначного решения вопросов о сущности чего-либо и тем более такого важного вопроса, как о критериях социального прогресса. Если нельзя определить критериев, значит, нельзя решить и вопрос о сущности и направлении развития, вообще ни о чем нельзя говорить определенно. Не дает определенности и религиозный подход. Религиозные апологеты идут от этих проблем, но не возвращаются к их земному решению, а значит,

уходят от них: «Есть тенденции, естественные для переломного периода: в поисках исторической опоры обращаются к архаическим структурам, например, к воссозданию сословий, к религии. Как социологи, мы можем это объяснить, но вместе с тем можем и усомниться в потенциальных способностях таких структур содействовать развитию общества в длительной временной перспективе», — пишет В.А. Ядов [19, с. 29].

Плюрализм в идеологии не позволяет хоть сколько-нибудь определенно оценить то, что происходит в обществе. Идеология плюрализма пришла к нам с Запада. «Ее части невозможно объединить в единое логическое целое... Идеологический плюрализм создает иллюзию идеологической свободы и свободы от идеологии вообще». Но «идеологическая свобода в условиях западного идеологического поля есть гораздо более сильное средство идеологического оболванивания масс, чем идеологическое принуждение» [7, с. 205].

Какой выход? Просвещать? Но и просвещение может быть более или менее прогрессивным. И чтобы принять даже эту идею, нужно быть сторонником идеи прогресса. Этой идеи нет в религии (там есть идея эсхатологии), ее нет в синергетике, объявляющей идею прогресса линейной, обвиняющей диалектику в линейности, игнорируя при этом признание диалектикой не только развития, но и периодов движения вспять, и периодов застоя. Наиболее адекватно идею прогресса, а значит, и свободы можно понять только с позиций диалектики. Ведь для чего нужна свобода? Для свободного развития, а развитие всегда предполагает прогресс. Главным смыслом социального прогресса является возрастание свободы в обществе для плодотворного развития как всех сторон его жизни, так и для всестороннего личностного развития все большего количества людей в обществе. Как известно, социальный прогресс может быть антагонистическим и неантагонистическим. Только последний может во все большей мере осуществлять свои достойные цели. На капиталистической стадии развития общества многие явления имеют превращенную форму, что нуждается в постоянном критическом переосмыслении.

Создается впечатление, что человечество заблудилось в многообразии культуры, которую создавало на протяжении всей истории. В условиях многомерного отчуждения многие имевшиеся уже ранее проблемы, которые, казалось, были близки к разрешению, не разрешились, а усилились, вылившись в поток абсурда на фоне грандиозного

уровня достигнутого человечеством в целом. Ведь достижениями общества не могут пользоваться все его представители. Массы людей, причастных к созданным ими и их предшественниками богатствам материальной и духовной культуры, отчуждены от них. Далеко не все они влачат жалкое существование, далеко не все осознают свою подлинную несвободу, что их кажущаяся свобода во многом призрачна. Возможности влияния на массы в современном обществе столь велики, что люди массы субъективно не ощущают несоответствия своих личных устремлений уровню развития общества, культуры. Их почти устраивает положение отстраненности от достижений культуры, потому что они его не осознают. Общество стало массовым. Как никогда, возрастает необходимость в людях, способных к творческому осмыслению происходящего, к реальной оценке сущностных изменений в обществе, осознанию его глобализации и необходимости поиска общих решений глобальных проблем современности и преодоления глобального кризиса. Тем более что с развитием информационно-коммуникативных технологий общество все более превращается в информационное.

Идея информационного общества стала ведущей идеей будущего в конце XX в. и не утратила своей силы и привлекательности и в начале нового века. Информационное, постиндустриальное общество связывают с перераспределением прежнего характера занятости от преимущественно материального производства к духовной и управленческой деятельности. Возрастает роль информации и коммуникации во все ускоряющейся жизни общества. Вместе с тем возрастает и роль тех, кто добывают информацию посредством познания, перерабатывают в знания, в соответствии с практическими потребностями, и используют с учетом всего, что соответствует критериям прогресса в обществе. И здесь речь должна идти, прежде всего, об интеллигенции, о ее роли в связи с приходом в мир новых информационных реалий. Но знакомство с зарубежными источниками свидетельствует, что представления об интеллектуальном обществе содержат иные критерии, в которые не входят ни богатство личности, ни гуманистические цели, ни нравственные ценности, ни положение самих интеллектуалов, вернее, их человеческое, личностное, нравственное состояние. А если все-таки и входят, то подспудно, специально в этом контексте их не касаются. Как правило, речь идет об увеличении информации и знаний, о сохранении окружающей среды и т.п. Но чтобы информация стала предметом культуры, ее ценность должна опреде-

ляться связью с подлинно гуманной культурной традицией. Это должно вести к возрастанию роли интеллигенции, ее ответственности и культурной компетентности. Не будет преувеличением определить роль интеллигенции как субъекта информационного общества таким образом, что она является как бы генетическим уровнем информационного общества. Подобно тому, как без генетической информации не может существовать живая материя, так и общество не может нормально развиваться без своей интеллигенции. Человек должен стоять в центре всех проблем информационного общества. Тем более что, как предсказывают теоретики информационного общества, социальные противоречия в нем приобретут такой характер, что пока трудно предположить, как они могут быть разрешены.

Общество не может существовать, не развивая своих производительных сил, производственных отношений, духовности. В условиях же обострения глобальных проблем современности у него нет другого выбора, чем развиваться прогрессивно, чтобы выжить и достичь новых духовных и материальных высот. Многое здесь зависит от интеллигенции, ответственной за отбор, сохранение, развитие и трансляцию духовного опыта человечества, от сущностной связи интеллигенции с культурной традицией, которая проявляется, с одной стороны, в том, что интеллигенция не может полноценно выполнять свои функции без постоянного осмысления и развития культурной традиции; с другой стороны, в том, что без творческой деятельности интеллигенции культурная традиция не сможет сохраняться и развиваться дальше, утратит прогрессивный потенциал.

Информационное общество нуждается во всестороннем осмыслении и надежных, научно обоснованных планах всестороннего развития, что доступно только интеллигенции, занятой во всех сферах общественной жизни и лучше других слоев общества знакомой с культурной традицией. Возрастание роли интеллигенции в информационном обществе связано также с перераспределением прежнего характера занятости от преимущественно материального производства к духовной и управленческой деятельности. Эти процессы, а также рост значимости информации и коммуникации во все ускоряющейся жизни общества вызывают необходимость ответственного отношения к ним и культурной компетентности. Поэтому необходимость в интеллигенции и ее интеллигентности не исчерпывается, а, наоборот, возрастает.

Выводы

1. В современном обществе понятие интеллигенции размывается, по крайней мере, двумя противопоставлениями. Одно из них в отличии интеллигенции и интеллектуалов Другое противопоставление — когда речь идет не об интеллигенции, а об интеллигентах.
2. Отдельные представители интеллигенции и интеллектуалов могут быть ближе или дальше от идеала интеллигентности, оставаясь при этом в социальной общности интеллигенции.
3. По мере развития духовной и материальной жизни общества роль интеллигенции должна возрастать, благодаря своему интеллектуальному, нравственному и гуманистическому потенциалу.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Akademia, 1999. 956 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 77–144.
3. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
4. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 31–72.
5. Гелюта А.М., Староверов В.И. Социальный облик рабочего-интеллигента. М.: Мысль, 1977. 183 с.
6. Грамши А. Возникновение интеллигенции / пер. с итал. Т.З. Клебановой // Искусство и политика: в 2 т. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 168–184.
7. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Астрель, 2008. 606 с.
8. Карлов Н.В. Интеллигентна ли интеллигенция... // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 3–17.
9. Лейкина-Свирская В.Р. Формирование и историческая роль интеллигенции как исследовательская проблема (Историографический обзор) // Социальная структура общества в XIX в. (страны Центральной и Юго-Восточной Европы). М.: Наука, 1982. С. 44–54.
10. Манхейм К. Избранное: Социология культуры / пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон, А.В. Дронова. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
11. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.
12. Резолюция 53/243 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация и программа действий в области культуры мира» (принята 13.09.1999 на 107-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1052&page=2> (дата обращения: 09.12.2013).
13. Соколов А.В. Формула интеллигентности // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 57–67.
14. Титаренко А.И. Антиидеи. Опыт социально-этического анализа. М.: Политиздат, 1976. 399 с.
15. Труфанов А.А. Основы теории интеллигентности. Казань: Новое знание, 2002. 272 с.
16. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 403–443.
17. Чехов А.П. Н.П. Чехову // ПСС и писем. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974. Т. 1. С. 221–225.
18. Элбакян Е.С. Российская интеллигенция как социальный феномен // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 82–96.
19. Ядов В.А. Россия в мировом пространстве // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 27–30.

INTELLIGENCE AND INTELLIGENTSIA

Alexandra V. Klimova

Dneprodzerzhynsk State Technical University;
2, Dnepropetrovskaya str., Dneprodzerzhynsk, 51918, Ukraine

The author explores the intelligentsia as a differentiated community. It includes intellectuals though its reference to features of intelligence varies a lot. Intellectuals are not absolutely alien to the humanistic orientation, morality, civilization, patriotism, aspiration for justice, etc. There is hardly an impassable abyss between the intelligentsia and intellectuals. They are brought together and united into one community by knowledge and humanistic potential. The latter is to increase as far as the growing complexity of social life is concerned. It should also make more and more popular qualities embodied in the ideal of intelligence. Only the intelligentsia, historically evolved to the level of society's modern needs, in each period can accumulate a certain content of culture, highlight the most precious things of all previous history in it and outline the prospects for the development of culture. The notion of the intelligentsia is regarded as a historically evolving one.

Key words: intelligentsia; intellectuals; intelligence; the humanistic orientation; knowledge; ideal.